

УДК 1(091)

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ СОЛОМОНА МАЙМОНА

А.И. БАРХАТКОВ*(Белорусский государственный университет, Минск)*

Рассматривается эволюция философских взглядов Соломона Маймона. В ней доказывается, что теоретическое развитие С. Маймона можно условно разделить на четыре этапа, каждый из которых был связан с определяющим влиянием на его мировоззрение некоторой философской традиции и оказал существенное влияние на некоторые аспекты зрелого творчества мыслителя. Первый этап был сопряжен с усвоением С. Маймоном талмудической традиции и выработкой на ее основе специфического стиля философствования. Вторым определялся влиянием на мыслителя учения М. Маймонида, на которое он опирался при формулировке своих идей бесконечного рассудка и собственного признака. Третий характеризовался преимущественным влиянием на С. Маймона идей европейского рационализма, составивших теоретическое ядро маймоновского «рационального догматизма». Четвертый этап был связан с именем Д. Юма, скептицизм которого помог мыслителю выработать собственное критическое отношение к трансцендентальной философии И. Канта.

Введение. Философское наследие Соломона Маймона¹ постигла незавидная историческая судьба. Оказавшись в тени грандиозных идеалистических систем И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинга и Г.В.Ф. Гегеля, С. Маймон долгое время оставался фактически забытой персоналией эпохи немецкого классического идеализма конца XVIII – первой половины XIX века. Однако в последнее время ситуация начинает заметно меняться к лучшему: появляется все больше статей и монографий, посвященных С. Маймону. В историко-философских исследованиях данного периода ему все чаще посвящают отдельные главы, издаются (пока, правда, немногочисленные) переводы его работ. И для этого есть существенные основания. Во-первых, неоспорима та роль, которую сыграл в истории философии С. Маймон, не только показавший своей критикой философии И. Канта уязвимые места кантовского трансцендентализма, но и, по сути, наметивший основные векторы дальнейшего развития немецкого идеализма. Во-вторых, маймоновские идеи, даже если отвлечься от их исторического значения, представляют собой бесценный клад человеческой мысли, несмотря на довольно «маргинальный» статус фигуры С. Маймона, привлекавшей и продолжающей привлекать к себе внимание мыслителей самых различных школ и направлений (от мыслителей Марбургской школы неокантианства до Ж. Делёза).

Важнейшие идеи С. Маймона связаны с критикой и переосмыслением им ключевых теоретических положений трансцендентальной философии И. Канта. Но то, что С. Маймон смог, с одной стороны, оценить и понять всю революционизирующую мышление мощь кантовской философии, а с другой – сумел дистанцироваться от нее и занять по отношению к ней принципиально критическую позицию, было, в свою очередь, обусловлено предшествующим его знакомству с кантовской философией усвоением нескольких глубоко различных философских традиций. Эта причастность сразу нескольким, в том числе и довольно далеким друг от друга, философским традициям была достигнута С. Маймоном в ходе становления его философских взглядов, выработки основных принципов его мировоззрения. И хотя важнейшим фактором идейной эволюции мыслителя, безусловно, стало его знакомство с философией И. Канта, не следует забывать и о предшествующих этому знакомству этапах развития философских взглядов С. Маймона. Реконструировать основные этапы этого развития, принимая в расчет прежде всего его значение для понимания зрелых взглядов философа, и есть задача данного исследования.

Основная часть. Первой традицией, о которой следует упомянуть в контексте идейной эволюции С. Маймона, стала усвоенная им еще в раннем возрасте в еврейских школах белорусских местечек Мира и Ивенца традиция талмудических толкований. Как сам мыслитель не раз замечает в своей автобиографии, талмудическая мудрость не могла удовлетворить его ранней тяги к знаниям, однако ее влияние на зрелое творчество С. Маймона подчеркивалось многими исследователями. В первую очередь, речь идет о специфической форме изложения им своих взглядов в виде комментария. В новоевропейской традиции форму комментария принято было рассматривать как не соответствующую систематическому философскому содержанию. Но С. Маймон, излагая преимущественно таким образом свои ключевые идеи, не переставал при этом настаивать на принципиальной систематичности своей философской позиции. Так, в «Опыте новой логики» он пишет: «Я надеюсь, что каждый думающий человек отдаст мне должное в том,

¹ С. Маймон (1754 – 1800) – наш соотечественник, уроженец деревни Жуков-Борок, около местечка Мир, Великое Княжество Литовское (ныне – в Столбцовском районе Минской области Республики Беларусь).

что я определенно достаточно систематично мыслю, хотя и выражаю свои мысли недостаточно определенно и систематично» [1, с. 15 – 16]. «Недостаточная систематичность», о которой здесь говорит С. Маймон, как раз и состоит в форме комментария, которая являлась основной для выражения им своих идей и одновременно представляла собой преимущественную форму существования талмудического знания. Современный исследователь творчества С. Маймона Г. Фройденталь говорит об этом следующим образом: «В иудейской традиции комментарии являются основной формой, в которой создаются и передаются новые знания: комментарии на Библию и Талмуд, сверхкомментарии (т.е. комментарии на комментарии) на них или комментарии на любой другой более или менее канонический текст. Неудивительно поэтому, что написание комментариев стало первым и естественным средством его философской работы, а также что он не видел противоречия между написанием комментариев и систематическим философствованием» [2, с. 5].

Однако С. Маймон заимствовал из талмудической традиции не только лишь форму комментария, но и специфическую установку в отношении работы с текстом. В автобиографии мыслитель замечает: «Последняя ступень изучения Талмуда – это ступень диспута. Она состоит в бесконечном обсуждении книги, без конца и цели» [3, с. 47]. И хотя, конечно, критические комментарии С. Маймона не были диспутами «без конца и цели», привитые в ходе талмудического обучения навыки аргументированного спора не могли не оказаться полезными философу в ходе полемиического толкования им «Критики чистого разума» И. Канта.

Следующим важнейшим шагом на пути становления философских взглядов С. Маймона было его знакомство с идеями выдающегося средневекового еврейского философа Моисея Маймонида (Моше бен Маймона). Соломон Маймон не раз подчеркивал то огромное мировоззренческое и интеллектуальное влияние, которое оказали на него идеи М. Маймонида, в честь которого он и стал называть себя «Маймон» (настоящая его фамилия Хайман). Однако сам факт почитания мыслителем своего средневекового предшественника еще не свидетельствует о наличии действительной идейной преемственности и связи между ними – в конце концов, речь идет о мыслителях, принадлежащих к совершенно различным историческим эпохам.

И все же эта преемственность существует, по крайней мере, по двум векторам.

Во-первых, бесспорное идейное сходство со взглядами предшественника обнаруживает маймоновская концепция бесконечного рассудка. Маймон вводит идею бесконечного рассудка для решения проблемы бесконечного приближения человеческого познания к полноте определений, мыслимой в идеях рассудка и разума (в отличие от И. Канта, С. Маймон утверждает, что идеи, в строго кантовском смысле, существуют не только в разуме, но и во всех сферах человеческого знания). Этот бесконечный рассудок мыслитель характеризует следующим образом: «Мы предполагаем бесконечный рассудок (по крайней мере, в качестве идеи), для которого формы суть в то же время объекты мысли, или который производит из самого себя все возможные виды связей и отношений вещей (идеи). Наш рассудок точно таков же, только ограниченным образом» [4, с. 38]. Совпадение в бесконечном рассудке формы и объекта мысли, точной моделью которого в конечном рассудке выступает математическое конструирование, служит для С. Маймона идеей, которая позволяет ему по-новому переосмыслить многие тезисы кантовской философии, включая важнейший для дискуссий того времени вопрос о вещи в себе. Эта идея была напрямую заимствована Маймоном из ключевого труда М. Маймонида «Путеводитель растерянных». В 68-й главе этой книги М. Маймонид пишет: «Тебе известно знаменитое речение, высказываемое философами о Боге, да превознесется Он, а именно речение о том, что Он – разум, разумеющий и разумеемое, и что все эти три аспекта в Нем, да превознесется Он, и Он Сам есть нечто единое, в чем нет множественности» [5, с. 355 – 356]. В рамках неоплатонически-перипатетического дискурса М. Маймонид при этом озвучивает ту же самую мысль, что и С. Маймон на языке трансцендентальной философии.

Во-вторых, важную роль в контексте критической рецепции С. Маймоном философии И. Канта сыграло понятие М. Маймонида *segulah* (лат. *proprium*), восходящее к Аристотелю и на русский язык переводимое как «собственный признак». Под данным термином как у Аристотеля, так и у М. Маймонида понимается свойство, которое, хоть и не выражает сути вещи, но, в то же время, присуще только ей и взаимозаменяемо с ней. Значение этого понятия для С. Маймона связано с тем, что оно позволяет ему по-новому концептуализировать, а следовательно, и проблематизировать учение И. Канта о синтетических суждениях а priori. Действительно, проблема возможности синтетических суждений а priori, составляющая центральный вопрос кантовской философии, в перипатетической традиции М. Маймонида может быть переформулирована как вопрос о предикации собственного признака, *segulah*. Но, как показывает в своей работе «Дефиниция и конструкция» Г. Фройденталь, такая концептуализация неизбежно ведет к сомнениям относительно существования синтетических априорных суждений: «Теперь, так как мы знаем, что Маймон мыслил свойство «кратчайший» в качестве *segulah* прямой линии, мы можем непосредственно перевести кантовские рассуждения о синтетических суждениях а priori, используя аристотелевско-лейбницеvские термины: синтетическое априорное суждение есть предикация *segulah* к роду, определяемому посредством *differentia*. Дальнейший анализ либо нашего, либо более развитого разума может

показать, каким образом эта *segulah* связана с сущностью субстанции» [6, с. 22]. Иными словами, использование данного термина помогает С. Маймону прийти к выводу, что суждения, считающиеся в кантовской философии синтетическими *a priori*, могут в действительности представлять собой аналитические суждения и лишь казаться нам синтетическими в силу неполноты нашего знания. Этот тезис играет важнейшую роль в критике С. Маймоном кантовского учения о синтетическом характере математического знания и, тем самым, составляет краеугольный камень как его критики кантовской философии в целом, так и собственных взглядов С. Маймона на природу человеческого познания.

Третий этап становления философских взглядов С. Маймона был обусловлен его знакомством с идеями великих философов-рационалистов Б. Спинозы и Г.В. Лейбница. Это знакомство произошло в ходе второго посещения мыслителем Берлина в 1780 – 1783 годах. Философия Г.В. Лейбница в изложении ее Х. Вольфом была значительно более распространена в то время, чем считавшаяся еретической философия Б. Спинозы. Изучив самостоятельно лейбнице-вольфовскую философию и изложив свои взгляды по поводу нее в форме критических комментариев, С. Маймон послал эти замечания выдающемуся немецко-еврейскому философу-просветителю М. Мендельсону. Вскоре у них завязалась дружба, и именно по рекомендации Мендельсона он стал изучать философскую систему Б. Спинозы, однако быстро пришел относительно нее к выводам, во многом расходившимся с точкой зрения его друга и покровителя. Б.Спиноза стал философским кумиром С. Маймона, который защищал его взгляды самым решительным образом: «Его глубокое мышление и любовь к истине нравились мне чрезвычайно; и так как его система была уже подсказана мне каббалистическими писаниями, я снова начал размышлять о ней, и стал настолько убежден в ее истинности, что все попытки Мендельсона изменить мое мнение ни к чему не привели. Я отвечал на все приводимые против нее вольфианцами возражения, сам приводил возражения против их системы, и доказывал, что, если номинальные дефиниции вольфианской онтологии преобразовать в реальные дефиниции, последуют выводы, прямо противоположные их собственным» [3, с. 219].

Изучив и критически переосмыслив философию И. Канта, С. Маймон отошел от такого безусловного и «ортодоксального» спинозизма, но, тем не менее, влияние на него идей Б. Спинозы и Г.В. Лейбница было очень велико на протяжении всей его жизни. Когда в своем главном труде – «Опыт о трансцендентальной философии» – мыслитель характеризует свою позицию как «рациональный догматизм и эмпирический скептицизм» [4, с. 221], «рациональный догматизм» и означает как раз приверженность его идеям рационализма, хотя и на новой, трансцендентально-идеалистической философской основе. При этом для С. Маймона рационализм не был неким эклектически присоединенным к трансцендентализму элементом, но, на его взгляд, единственным способом спасти сам кантовский трансцендентализм от заложенных в нем внутренних противоречий.

Отдельно следует заметить, что творческое переосмысление С. Маймоном наследия Б. Спинозы оказало значительное влияние на восприятие идей этого мыслителя в немецких философских кругах того времени. Так, указывая на очевидное сходство описания взглядов Б.Спинозы у С. Маймона и в «Лекциях по истории философии» Г.В.Ф. Гегеля, американский исследователь И. Мэлэмид пишет: «Рецепция Маймоном Спинозы представляется имеющей решающее значение для дальнейшего развития Немецкого идеализма, не только потому, что он пытался «поженить» Спинозу и Канта (путь, по которому за ним последовали Шлегель, Шеллинг и Гегель), но еще больше в силу нового понимания Спинозы, которое следовало из его работ» [7, с. 94].

Вероятно, к этому же периоду относится знакомство С. Маймона с работами философа-скептика Д. Юма. Сам С. Маймон нигде не упоминает о времени или обстоятельствах своего изучения Д. Юма, но не подлежит сомнению, что он усвоил его философию до того, как к нему в руки попала «Критика чистого разума». Скорее всего, посредником в изучении Д. Юма, как и в случае с Б. Спинозой, стал для него М. Мендельсон, так как последний много сделал для популяризации учения Д. Юма в Германии. О важности юмовского скептицизма для выработки собственной философской позиции С. Маймон прямо говорит в своей автобиографии: «Но так как я уже овладел таким образом системами Спинозы, Юма и Лейбница, я естественным образом пришел к мысли о коалиционной системе» [3, с. 280]. Глубокое, как явствует из его сочинений, изучение юмовской философии позволило С. Маймону поставить под сомнение предпосылки и выводы Трансцендентальной дедукции «Критики чистого разума». Мыслитель пришел к выводу, что опровержение И. Кантом скептицизма Д. Юма в отношении понятия причинности не является верным, так как базируется на уже заранее предположенной возможности ответить на вопрос о фактически существующих в мире явлений причинных связях.

Однако, солидаризируясь в этом вопросе с точкой зрения шотландского скептика, С. Маймон, тем не менее, сам не стал разделять точку зрения последовательного скептицизма, но выработал собственную, объединяющую, по его мнению, сильнейшие черты догматизма, скептицизма и трансцендентальной философии, «коалиционную систему». С всесторонней разработкой этой системы и связан последний, теоретически наиболее продуктивный период творчества С. Маймона – построение им собственной трансцендентальной философии, имеющей целью не только исправить ошибки предыдущих философов

ских систем, включая систему И. Канта, но и выработать принципиально новое понимание природы познания, мира и человека. Идеи, предложенные при этом С. Маймоном, не только оказали решающее влияние на дальнейшее развитие немецкой классической философии, но и стали источником вдохновения для ряда представителей позднейшей, в том числе и современной, философской мысли.

Заключение. В ходе представленного исследования были выявлены четыре ключевых этапа становления философских взглядов С. Маймона, которые можно условно обозначить как «талмудический»; «перипатетический» (связанный главным образом с усвоением наследия М. Маймонида); «берлинский» (определяющее влияние идей Б. Спинозы, Г.В. Лейбница, Д. Юма); «трансцендентальный» (начиная со знакомства с идеями И. Канта и до конца жизни). Каждый из этих этапов повлиял на интеллектуальный облик С. Маймона, каждый в конечном счете привнес в его мысль определенную основополагающую черту. И только принимая в расчет эту теоретическую эволюцию С. Маймона, можно понять многие важнейшие аспекты его философского наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Maimon, S. Versuch einer neuen Logik oder Theorie des Denkens / S. Maimon. – Mode of access: http://tiss.zdv.uni-tuebingen.de/webroot/fp/fpsfr01_SoSe_2004/dokumente/Maimon-Logik-Rohfassung.pdf. – Date of access: 27.02.2012.
2. Freudenthal, G. A Philosopher Between Two Cultures / G. Freudenthal // Salomon Maimon: Rational Dogmatist, Empirical Skeptic: Critical Assessments; ed. by G. Freudenthal. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003. – P. 1 – 17.
3. Maimon, S. An Autobiography / S. Maimon; tr. by Clark Murrey. – Chicago: Illinois Paperback, 2001. – 307 p.
4. Maimon, S. Essay on Transcendental Philosophy / S. Maimon; tr. by Nick Midgley [et al.]. – London: Continuum, 2010. – 282 p.
5. Бен Маймон, Р.М. Путеводитель растерянных / Р.М. бен Маймон. – М.: Мосты культуры – Гешарим, 2010. – 566 с.
6. Freudenthal, G. Definition and Construction. Salomon Maimon's Philosophy of Geometry / G. Freudenthal. – Mode of access: <http://www.mpiwg-berlin.mpg.de/Preprints/P317.PDF>. – Date of access: 27.02.2012.
7. Malamed, Y. Salomon Maimon and the Rise of Spinozism in German Idealism / Y. Malamed. – Mode of access: <http://philosophy.jhu.edu/bios/yitzhak-melamed/Publications/Maimon-Spinoza.PDF>. – Date of access: 27.02.2012.

Поступила 04.09.2012

KEY STAGES OF FORMATION OF SALOMON MAIMON'S PHILOSOPHICAL VIEWS

A. BARCHATKOU

The article treats on the evolution of Salomon Maimon's philosophical views. It argues that Maimon's theoretical development may be provisionally divided into four stages; each was associated with a definitive influence on his worldview of a certain philosophical tradition and considerably influenced some aspects of the thinker's mature work. The first stage was connected with Maimon's mastering of the Talmudic tradition and elaboration of a peculiar style of philosophizing on its basis. The second stage was defined by the influence of the doctrine of Moses Maimonides on the thinker, which formed the foundation of his ideas of infinite intellect and proprium. The third stage was characterized by the principal influence of the ideas of the European rationalism on Maimon that formed the theoretical core of his "rational dogmatism". The fourth stage was associated with the name of David Hume whose skepticism helped the thinker to elaborate his own critical position to the transcendental philosophy of Immanuel Kant.